

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Е.В.Новосёлова

Человеческие жертвоприношения в традициях андской цивилизации

Статья посвящена анализу человеческих жертвоприношений в культурах андской цивилизации (преимущественно на материале Уари, Чимора и государства инков). Автор предлагает свой вариант типологии жертвоприношений (регулярные и экстраординарные), анализирует данные письменных, археологических и иконографических источников и приходит к следующим выводам. Во-первых, текущее состояние источников позволяет заключить, что массовые жертвоприношения имели место, но совершались, скорее всего, только по исключительным поводам. Во-вторых, археологические находки последних лет показывают, что практики человеческих жертвоприношений в различных культурах отличались большим единообразием, чем считалось раньше. Речь идет, прежде всего, о практике принесения в жертву детей, которая ранее была широко известна преимущественно на материале культуры инков, а соответствующие находки по более ранним культурам были единичными. В свою очередь новейшие археологические данные показывают, что такая практика была распространена и в прибрежных культурах. Это позволяет сделать вывод о существовании более тесного мировоззренческого пространства, которое объединяло как прибрежные, так и горные культуры древнего Перу.

Ключевые слова: андская цивилизация, человеческие жертвоприношения, религия, инки, Уари, Чимор.

DOI: 10.31857/S0044748X0008708-7

Статья поступила в редакцию 14.10.2019.

Практика человеческих жертвоприношений, существовавшая в рамках традиций различных культур Нового Света, привлекает пристальное внимание со времен первого знакомства с ними европейцев. Вследствие культурного шока проблема обросла многочисленными предрассудками. Вместе с тем взвешенное изучение этой практики необходимо, поскольку человеческие жертвоприношения были важным аспектом религиозных воззрений и социальных практик носителей древних культур Нового Света в целом и андской цивилизации в частности. Существует немало подходов к изучению этих ритуалов [1, с. 55—65]; мы же сконцентрируемся на рассмотрении преимущественно религиозных аспектов проблемы.

Елена Владимировна Новосёлова — кандидат исторических наук, старший преподаватель МИРЭА — Российского технологического университета (РФ, Москва, пр-т Вернадского, д. 78, Helena-Novoselova@yandex.ru).

В рамках цивилизации в разное время существовало большое количество культур, в каждой из которых были определенные нюансы и в практике жертвоприношений. Рассмотреть все культуры в одной статье невозможно, поэтому ограничимся анализом более поздних, лучше представленных в источниках. Прежде всего, это — культура и государство инков (XIII—XVI вв.), кроме того — более ранние культуры Уари (VI—XIII вв.), центр которого располагался в горных массивах Анд, а также прибрежное государство Чимор (XII—XV вв.), впоследствии завоеванное инками. Материал по другим культурам будет привлекаться более фрагментарно.

Отметим, что при рассмотрении данной темы следует использовать как археологический материал, так и письменные и иконографические источники. Андская археология развивается весьма динамично, и за последние годы было совершено сразу несколько крупных открытий, имеющих непосредственное отношение к жертвоприношениям*. Письменные же источники, представленные в основном хрониками и сообщениями колониальной эпохи, помогают интерпретировать археологический материал, поскольку именно в этих источниках содержатся сведения о том, по каким случаям совершались жертвоприношения и какими ритуалами они сопровождались. Историография проблемы весьма обширна, но при этом фрагментарна: почти все работы посвящены жертвоприношениям и смежным сюжетам по отдельным культурам или регионам. В качестве примера можно привести ряд важных исследований по государству инков [2], Уари [3]; [4]; [5], а также Чимор [6]; [7]; [8]. В то же время обобщающих работ фактически нет, что и стало одной из главных причин написания данной статьи.

В первую очередь необходимо провести типологизацию жертвоприношений в традициях андской цивилизации. Здесь могут применяться разные подходы, которые ранее уже использовались исследователями [2, с. 39]. Но наиболее логичным и вместе с тем фундаментальным представляется подход, при котором выделяются два основных типа жертвоприношений — регулярные и экстраординарные. К первому типу относятся те, которые приурочены к строго определенным или ожидаемым событиям: календарные праздники, похороны, коронация правителя и пр. Во вторую группу можно включить жертвоприношения, совершавшиеся по случаю экстренных событий, во «внеурочное» время, например, из-за угрозы возникновения войны и природных катаклизмов. Различия между двумя типами заключаются не только в поводе совершения обряда, но и в количестве принесенных в жертву. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен ниже, однако сразу можно отметить, что есть основания считать жертвоприношения второго типа более массовыми по количеству принесенных в жертву.

* Речь идет о нескольких крупных находках на северном побережье Перу. Это — погребение знати государства Уари в Кастильо де Уармей, обнаруженное в 2013 г. (погребальный обряд сопровождался человеческими жертвоприношениями); массовое захоронение детей и лам в городище Хуанчакито Лас Йамас, открытое в 2018 г., и найденное совсем недавно (в августе 2019 г.) еще более массовое захоронение в Уанчако, где находились останки 227 детей, принесенных в жертву. Два последних захоронения относятся к культуре Чиму, или государству Чимор.

Вследствие особенностей источниковой базы наиболее полно исследованы жертвоприношения, совершавшиеся во время захоронения. Хотя подавляющее большинство погребений дошло до нас разграбленными (в связи с чем наше представление о соответствующих обрядах нельзя назвать исчерпывающим), наличие сопроводительных жертв фиксируется довольно четко. Это особенно характерно для захоронений лиц высокого социального статуса.

Об инкских погребальных жертвоприношениях известно из письменных источников: к сожалению, сами захоронения инкских правителей не сохранились. Хронисты сообщают, что в жертву приносились самые любимые жены и самые верные слуги, чтобы они продолжили служить Сапа Инке в другом мире [9, с. 402]. Едва ли среди них оказывалась колья — главная жена, которая в ряде случаев могла обладать немалым влиянием. По крайней мере соответствующих сведений в распоряжении исследователей нет. Хронист Пома де Айала сообщает, что самая любимая из жен, приносимая в жертву, фактически заменяла собой колью [10, с. 191]. Хронист Съеса де Леон отмечает, что по случаю смерти Топа Инки людей приносили в жертву не только непосредственно «на месте», но и в различных частях государства [11, с. 432]. Это может свидетельствовать о том, что похороны правителя являлись событием общегосударственного масштаба.

Есть упоминания о жертвоприношениях детей во время похорон инков [9, с. 402]; [13, с. 26]; [12, с. 9]. Вероятно, они совершались как раз в рамках упомянутых выше общегосударственных мероприятий, поскольку сведений о детях в качестве сопроводительных жертв в источниках нет. Хронисты Ондегардо и Акоста сообщают интересную деталь: кровью принесенных в жертву детей на лице покойного прочерчивалась линия от уха до уха [12, с. 9]; [13, с. 26]. Сообщение Ондегардо можно считать первоисточником, поскольку именно он в рамках своей административной деятельности обнаружил несколько спрятанных мумий Сапа Инков и мог видеть эти линии собственными глазами. О похожем обряде пишет и Молина, сообщая, что индейцы рисуют линию от уха до уха на лице уаки* детской кровью [9, с. 90]. Ритуалы, связанные с кровью, можно объяснить той особой важностью, которую приписывали (и продолжают приписывать) ей носители андских культур. Как и во многих других культурах, в Андах кровь считалась сосредоточием жизненной энергии, поэтому в употреблении крови видели средство исцеления больного и придания ему сил [14, с. 240]. Возможно, линия крови на лице могла символизировать как раз ритуальное «кормление» умершего.

Традиции погребальных жертвоприношений в государстве Уари могут быть рассмотрены на основе ряда археологических объектов. К ним относятся не только следы самих жертвоприношений, но и сопутствующий инструментарий. В городище Уари рядом с комплексом, идентифицируемом как *Templo Mayor* (Главный храм), был обнаружен алтарь для жертвоприношений (рисунок 1). Его внушительные размеры (длина около 2 м) свидетельствуют о том, что он использовался для принесения в жертву таких крупных объектов, как люди или ламы. Близость расположения алтаря и храма совершенно логична: большинство жертвоприношений были частью разнообразных церемоний, проводившихся в храме.

* Уаками назывались сакральные объекты различной природы (идолы, камни, горы и пр.).

Рис. 1. Алтарь для жертвоприношений. Городище Уари, Перу

В контексте рассматриваемой темы интерес представляет еще один объект в городище Уари. Речь идет о погребении в секторе Монхачайук, о котором упоминалось выше [15, с. 93—94]. Здесь же стоит отметить, что многочисленные сектора в верхней части погребения вполне могут рассматриваться как отсеки для сопроводительных жертвоприношений [15, с. 94]. Однако самым репрезентативным из уарийских захоронений следует считать погребение в Кастильо де Уармей. Богатство погребального инвентаря и общий размах ясно указывают на то, что это — захоронение знати, в данном случае женщин, возможно даже имевших отношение к правящему роду. Относительно этого захоронения остается еще много нерешенных вопросов, однако сейчас можно утверждать, что из 64 погребенных объектами жертвоприношений являлись только шестеро [3, с. 212, 214]. Возможно, они являлись слугами погребенных здесь женщин.

Такую сопроводительную жертву нельзя назвать массовой. Однако нельзя забывать, что это погребение женское, а женщины в андской цивилизации (как, впрочем, и в любом древнем обществе) обладали более низким статусом, чем мужчины. Исходя из этого, можно сделать предположение, что погребение знатного мужчины сопровождалось большим количеством жертвоприношений, но, к сожалению, подтвердить это на археологическом материале пока не представляется возможным.

Сопроводительные жертвоприношения при погребениях известны также на материале культуры Чиму, хотя в распоряжении исследователей, к сожалению, пока нет неразграбленных захоронений. Погребения чиморских правителей осуществлялись не в специально отведенных местах, а в так называемых цитаделях — крупных дворцовых комплексах, которые

принято считать царскими резиденциями. Они сопровождались жертвоприношениями многочисленных молодых женщин [6, с. 154]. В этом случае видно несомненное сходство с инкским погребальным обрядом правителей: с высокой долей вероятности можно предположить, что эти женщины были женами или наложницами умершего. Это позволяет говорить и о сходстве представлений о загробном мире, отражением которого был данный обряд.

Анализируя жертвоприношения при захоронениях, нельзя не затронуть вопрос о причинах их совершения. Ответ следует искать в религиозных верованиях носителей андской цивилизации. К сожалению, наши знания о том, как именно они представляли посмертное существование, крайне скудны. Однако наличие жертвоприношений и разнообразного сопроводительного инвентаря (посуда, украшения, продукты питания и пр.) позволяют сделать следующий вывод. Вероятно, в Андах были распространены представления о том, что после смерти человек ведет ту же жизнь, что и до нее, отсюда и стремление обеспечить его всем необходимым соответственно его статусу. Такие воззрения были довольно типичны для многих древних обществ, в качестве примера можно вспомнить хотя бы погребальные ритуалы Древнего Египта. Данная версия подтверждается хронистами: по словам Кобо, индейцы верили, что принесенные в жертву вместе с господином продолжают служить ему и в загробной жизни [16, с. 189].

Оценить масштабы регулярных жертвоприношений можно лишь приблизительно как вследствие состояния источников, так и потому, что едва ли их количество было строго регламентировано. Во всяком случае никаких данных, которые подтверждали бы обратное, нет. Письменные источники упоминают точное число принесенных в жертву лишь в исключительных случаях. Например, несколько хронистов сообщают, что во время похорон Сапа Инки Уайна Капака в жертву принесли тысячу человек [16, с. 189]; [9, с. 402]; [12, с. 25] (вероятно, эти сообщения происходят из общего источника). Сьеса де Леон называет ту же цифру, говоря о жертвоприношениях во время праздников [11, с. 357], Ондегардо указывает число в 200 детей [13, с. 26]. Это число выглядит явным преувеличением: нет никаких доказательств (прежде всего археологических), что настолько массовые жертвоприношения действительно имели место. Хронике как историческому жанру вообще свойственно преувеличение, поэтому доверять таким впечатляющим цифрам не стоит. Можно лишь предположить, что в случае с похоронами Уайна Капака в жертву было принесено больше человек, чем обычно в подобных случаях. Воспоминания о факте массового жертвоприношения за счет исключительности события сохранились в устных преданиях, благодаря чему эта информация дошла до нас.

Далее обратимся к жертвоприношениям, совершаемым по случаю значимых календарных дат. По письменным источникам наиболее известными жертвоприношениями такого рода являются инкские жертвоприношения детей богу солнца, а также по некоторым другим поводам. Праздник Инти Райми, посвященный богу солнца, — божественному отцу первого Сапа Инки и покровителю династии, — был самым важным в инкском календаре, а потому логично предположить, что он сопровождался наиболее пышными и торжественными ритуалами. При этом жертвоприношения выполняли важную социальную функцию между Сапа Инкой, божествами и народом [17, с. 211]. Всего же в календаре насчитывалось 17 основных праздников [18, с. 271], каждый из кото-

рых сопровождался разнообразными жертвоприношениями, в том числе и человеческими. Описание этих ритуалов содержится у многих хронистов.

Жертвоприношения, совершавшиеся по праздникам, довольно подробно описаны у Пома де Айалы. Среди праздников, называются Инти Райми [10; с. 161], Чакра Йяпуй Килья [10, с. 162—163], Капак Инти Райми [10, с. 167—168]. Как раз в последнем случае речь идет о главном празднике инков, отмечавшемся в декабре. Тогда же приносилось максимальное, по сообщению хрониста, число жертв — 500 мальчиков и девочек [10, с. 168]. В хронике упоминаются также жертвоприношения, совершаемые в честь отдельных божеств [10, с. 173]. Сьеса де Леон сообщает о жертвоприношениях (без привязки к конкретным датам) женщин в Кориكانче, отмечая, что их хоронили с богатыми подношениями (изделия из перьев, металлов, еда и напитки), чтобы они могли служить божеству в другом мире [11, с. 363].

С «календарными» жертвоприношениями, скорее всего, связаны находки ритуальных захоронений детей и молодых женщин в Андах в различных частях инкского государства. Они были подробно изучены описаны в монографии Томаса Бесома. Исследователь справедливо отмечает, что религиозное содержание этих жертвоприношений могло быть различным [2, с. 48—52], в контексте почитания Солнца выбор гор для ритуальных захоронений совершенно логичен, ведь в этом случае жертва будет ближе к своему «адресату». Такой подход хорошо укладывается и в рамки религиозной политики инков по инкорпорации местных верований и божеств в сферу общегосударственного культа: устраивая ритуальные захоронения в почитаемых местах, каковыми часто являлись горные пики, инки могли вписывать их в контекст общеимперского пантеона.

Некоторую параллель подобным индским погребениям можно увидеть в уарийской практике индивидуальных захоронений лиц, принесенных в жертву. В качестве примера можно привести захоронение девочки около пяти лет в Кончопате, одном из главных центров Уари [4, с. 86—87]. Видимых повреждений на костяке нет, но это не исключает того, что она могла быть задушена. Точную причину жертвоприношения назвать сложно; высказано предположение, что оно совершалось по случаю освящения ритуального пространства [4, с. 87]. Как известно, подобные практики были широко распространены в культурах самого разного ареала [19]. Если принять версию о том, что это именно жертвоприношение, можно проследить серию параллелей между инкскими и уарийскими традициями жертвоприношений. Это и возраст жертвы, и способ умерщвления, и некоторое сходство в оформлении погребения.

К ординарным жертвоприношениям можно также отнести те, которые были приурочены к военным победам. Война была важной частью любого древнего общества, в результате чего вырабатывались разного рода ритуалы, призванные привлечь победу и отблагодарить за нее богов. Пример такого жертвоприношения по случаю военной победы есть у Сьесы де Леона. Согласно этому сообщению, четвертый Сапа Инка приказал принести в жертву множество «овец и ягнят» (надо полагать, под этими европейскими названиями скрываются представители местных камелид, прежде всего альпаки) и «несколько мужчин и женщин» [11, с. 376]. Точные цифры не приводятся, но из текста очевидно, что о массовом жертвоприношении людей речь не идет. Видимо, победу сочли довольно «рядовой», по-

этому решили ограничиться сравнительно скромным подношением. При этом не уточняется, кем были эти люди, но логично предположить, что они являлись пленными, захваченными в походе.

В целом на основе имеющихся в распоряжении данных складывается впечатление, что жертвоприношение военнопленных, столь распространенное в месоамериканской цивилизации и имевшее там большой религиозный смысл [20, с. 16, 58]; [21, с. 192—194], в андских культурах воспринималось иначе. Свидетельства существования такой практики весьма многочисленны, однако очевидно, что такие жертвоприношения несли меньшую сакральную нагрузку, по крайней мере, в инкском государстве. В историографии даже высказывалось предположение о том, что это и не были жертвоприношения в собственном смысле слова [22, с. 1052]. В более ранних культурах картина, вероятно, была иной; этот вопрос требует уточнений и дополнительных изысканий.

В распоряжении ученых имеются некоторые письменные источники, подтверждающие существование этих практик, а также археологические находки — прежде всего трофейные головы, многочисленные иконографические свидетельства, представленные изображениями трофейных голов на керамических сосудах (рисунок 2) и сценами сражений с поверженными врагами. Эта традиция наиболее полно изучена на материале культур Уари [22, с. 1053—1054]; [7, с. 158—162], а также Наска (I—VIII вв.) и Моче (I—VIII вв.), поскольку существуют как многочисленные иконографические свидетельства, так и их археологические находки [22, с. 1053]; [23, с. 61—65]. Анализ показывает, что в большинстве случаев объектами такой практики становились взрослые мужчины [4, с. 200] — вероятно, захваченные в плен воины (при этом среди жертв встречаются и дети [5, с. 62]). Подобный ритуал имеет широкие этнографические параллели во многих областях земного шара.

Кристобаль де Молина подчеркивает, что жертвоприношения детей совершалось в начале правления каждого императора, дабы боги даровали ему здоровье, мир и процветание [24, с. 89]. Этот хронист также сообщает, каким образом происходило умерщвление — посредством удушения или вскрытия грудной клетки [24, с. 89, 90]. Последнее сразу наводит на мысли о параллели с месоамериканскими традициями, в которых этот способ жертвоприношения получил широкое распространение [12, с. 77]. О похожей традиции упоминает также Акоста, отмечая, что по этому поводу приносили в жертву 200 детей посредством удушения в возрасте от 4 до 10 лет [12, с. 72]. Ондегардо отмечает, что детей приносили в жертву уакам посредством удушения, но лишь по особым случаям [13, с. 37]. Существуют и археологические подтверждения существования такой практики: в случае плохой сохранности костей причину смерти не всегда можно определить, однако с высокой долей вероятности можно предположить, что некоторые из жертв ритуальных захоронений в горах были умерщвлены как раз посредством удушения [2, с. 60].

Молина и Санта Крус Пачакути (его описание обряда в целом совпадает с описанием Молины, хотя оно и менее подробно) относят возникновение традиции таких жертвоприношений (называемых ими *капаккоча*) ко времени правления девятого Сапа Инки Пачакутека [24, с. 88]; [25, с. 140]. Об

установлении этим Сапа Инкой инкской системы календарных жертвоприношений в целом сообщает также Поло де Ондегардо [13, с. 9]. Нам известно, что это был, пожалуй, величайший реформатор в истории инкского государства, и сфера религии входила в орбиту его интересов. Возможно, принесение в жертву детей как целостный ритуал, описанный у Молины и Пачакути, действительно сформировался при Пачакутеке, однако его основа и религиозное наполнение намного древнее, так как у него имеются общеандские корни. Этот тезис подтверждается при более подробном рассмотрении человеческих жертвоприношений в доинкских культурах.

Семантика «календарных» и прочих ординарных жертвоприношений кроется, по нашему мнению, в том, как носители андских культур воспринимали отношения между человеком и окружающим миром. Эти общества были аграрными, отсюда — и зависимость от сил природы. Принесение в жертву самого ценного (не только людей, но разного рода богатств, например, изделий из драгоценных металлов, тканей, еды, напитков) совершалось не только с целью продемонстрировать свою лояльность этим силам. Тем самым поддерживался исконный миропорядок, составной частью которого были человек и его повседневная деятельность.

Важен также вопрос о том, как именно отбирались дети для жертвоприношений. В целях наглядности приведем пространную цитату из хроники Бернабе Кобо, в которой подробно описывается процесс отбора детей: «Этим детям должно было быть девять или десять лет и меньше, и все мальчики, которые так подбирались, приносились в жертву. Число девочек, которых собирали, было значительно больше, чем мальчиков; это заметно по целям, для которых они предназначались. Собранных (девочек) ... представляли Инке, который тотчас их распределял в соответствии с имевшейся необходимостью в следующем порядке: одних он приписывал к монастырям мамакон, чтобы они компенсировали число тех, которые умирали; других (значительное количество) девушек он отделял и приказывал сохранить для умерщвления во время многочисленных жертвоприношений, которые совершались в течение года по различным поводам. Самых знатных и красивых Инка определял в собственные служанки и наложницы» [16, с. 275—277].

В контексте проблемы жертвоприношений из этой цитаты можно подчеркнуть следующее. Во-первых, далеко не все девочки действительно приносились в жертву. Во-вторых, ничто не свидетельствует о массовости

Рис. 2. Керамический сосуд с изображением трофейной головы. Культура Наска. Археологический музей г. Трухильо, Перу

таких жертвоприношений. Это подтверждается и археологическими данными, в частности, изучение ритуальных захоронений этих детей в горах показывает, что они не были массовыми. На данном этапе развития американистики археология не может подтвердить данные письменных источников о принесении в жертву инками сотен детей одновременно.

Интересный пассаж относительно численности жертвоприношений во время празднеств есть у Сьесы. Он пишет о том, что некоторые авторы преувеличивают, когда пишут о тысячах принесенных инками в жертву, отмечая: «Я не говорю о том, что они не приносили в жертву и не убивали взрослых и детей во время таких жертвоприношений, но их было не так много, как говорят» [11, с. 357]. Причина этого (помимо соображений относительно особенностей жанра хроники и передачи устных преданий, которые высказывались выше) может заключаться в той неприязни, которую авторы-христиане питали к индейскому язычеству. Те из них, кто признавал за андскими обществами определенные достижения и даже чем-то восхищался, относительно религии высказывались очень категорично и осуждающе. Человеческие жертвоприношения, естественно, стали для хронистов своеобразной квинтэссенцией всего дьявольского, порочного и богопротивного, поэтому неудивительно, что с ними связано большое количество преувеличений.

Ко второму типу можно отнести жертвоприношения с целью излечения болезни. Соответствующее упоминание есть у Сьесы де Леон: «И когда сеньоры были больны, чтобы успокоить гнев своих богов и просить их о здоровье, они совершали другие жертвы, полные суеверий, убивая людей (как я могу судить по сообщениям)» [11, с. 162]. Акоста сообщает, что в таких случаях нередко приносили в жертву собственных детей (в этом случае речь идет о знати [12, с. 73]. Сейчас сложно судить, насколько этот обычай был распространен. Можно лишь предположить, что Акоста вследствие своего крайне негативного отношения к языческим традициям мог немного сгустить краски. Тем более, что другие хронисты о распространности этого обычая не упоминают.

В хронике Кобо есть интересный пример экстраординарного жертвоприношения во время боевых действий. Правитель государства на территории современного Кито сомневался, воевать ли ему с инками или сдаться сразу, поэтому обратился к оракулам. Он получил совет не бояться инков и оказать сопротивление. Дабы умиловить богов, правитель принес в жертву большое количество мальчиков и девочек, среди которых были его собственные дети. Однако боги обманули его ожидания: его государство было завоевано, а сам он взят в плен и убит [16, с. 169].

В этом отрывке, как это часто бывает с хрониками колониальной эпохи, содержится несколько смысловых уровней. С одной стороны, на поверхности лежит христианское осуждение языческих верований и ритуалов, тем более сильное, что хронист был священнослужителем. С другой стороны, Кобо находился под несомненным влиянием своих проинкски настроенных информаторов: инкские завоевания были справедливы и правильны, а потому неизбежны, соответственно сопротивляться им бесполезно (наиболее прямолинейно эта мысль выражена в труде одного из самых известных хронистов Инки Гарсиласо де ла Веги). Последний смысловой пласт условно можно назвать общеандским, поскольку он подтверждает, что практика таких жертвоприношений действительно

но была традицией андской цивилизации. Конечно, подтвердить или опровергнуть реальность конкретного эпизода, приведенного выше, не представляется возможным, однако оснований сомневаться в реальности самой традиции нет. Жертвоприношения в сложные времена были обычным делом для всех архаичных культур, и примеров можно привести множество.

Каковы же причины массовости подобных жертвоприношений? Представляется, что они кроются в исключительности тех ситуаций, которые становились причинами ритуала. Те или иные ситуации нарушали естественный порядок вещей, и люди считали необходимым этот порядок восстановить. Наиболее логичный способ этого добиться (с точки зрения носителя древней культуры) — это заручиться поддержкой богов, для чего и совершалось жертвоприношение. На сегодняшний день самый впечатляющий пример такого рода жертвоприношений — это обширное захоронение детей в городище Уанчакито лас Йамас на северном побережье Перу, предварительные исследования которого завершились только в 2018 г. Сначала в захоронении были обнаружены останки 43 человек и 73 лам [8, с. 264], затем — более 140 детей и более 200 лам [26], из-за чего захоронение уже назвали самым массовым детским захоронением в Новом Свете. При этом археологический материал указывает на единовременность захоронения [8, с. 268]. Причины такой массовости еще предстоит выяснить, однако уже было высказано правдоподобное предположение, что такая жертва была вызвана климатическими изменениями, связанными с феноменом Эль Ниньо [8, с. 283—285]. Под его воздействием климат северного побережья Перу стал более влажным, что пагубно сказывается, в том числе, на состоянии памятников в этом регионе. Если предложенная интерпретация жертвоприношения верна, то очевидно, что Эль Ниньо стал оказывать негативное воздействие на местную экосистему по крайней мере с первой половины XV в (именно так можно датировать находку из Уанчакито лас Йамас [26, с. 11]).

Дентальный и остеологический анализ позволяет прийти к выводу, что в захоронении представлены останки как мальчиков, так и девочек, относящихся к разным этническим группам [26, с. 12]; здесь прослеживаются параллели с инкской практикой жертвоприношений. Изучение останков также показывает, что дети были умерщвлены посредством вскрытия грудной клетки и, возможно, удаления сердца [26, с. 16—19]; [8, с. 282]. Как уже отмечалось выше, такой же способ умерщвления практиковался инками. Это может свидетельствовать о существовании общих традиций, восходящих, в свою очередь, к определенным религиозным представлениям, которые отводят сердцу значимую роль в человеческом теле. В традиционной андской медицине сердце считалось главным органом [14, с. 126], отсюда — и важная ритуальная роль сердца в контексте жертвоприношений.

При детальном изучении захоронение из Уанчакито Лас Йамас хорошо иллюстрирует религиозные представления носителей культуры Чиму. Лица многих принесенных в жертву были обращены к морю [8, с. 276]. Для Чиму (как и для любой приморской культуры) море имело большое практическое и мировоззренческое значение. Его почитание могло быть связано с культом Луны, что неудивительно, учитывая хорошо прослеживаемую связь между фазами луны и приливами/отливами. Во время полнолуния

луна как раз «спускается» в море, поэтому ритуальное захоронение устроено в таком месте, чтобы луна, опускаясь в море, могла его видеть [8, с. 285]. Аппелляция к луне в этом случае вполне объяснима, поскольку именно это божество считалось главным в пантеоне Чиму и, как следствие, наиболее могущественным.

Состояние источников не позволяет с уверенностью сказать, существовала ли в Чиморе практика, аналогичная инкской, по целенаправленному отбору детей для жертвоприношений из различных регионов страны. С одной стороны, находка из Уанчакито лас Йамас может показаться доказательством ее существования, однако не стоит забывать, что само жертвоприношение является экстраординарным по составу жертв и задачам. Поэтому нельзя исключать и версию о том, что отбор детей со всей страны для жертвоприношения не был рядовой практикой, и к ней прибегали лишь в исключительных случаях.

Последний сюжет, на котором хотелось бы остановиться, это — возможные причины устойчивости традиции человеческих жертвоприношений в андской цивилизации. Если сравнить Новый Свет со Старым, то бросается в глаза, что в Старом Свете человеческие жертвоприношения отмирают по мере перехода к цивилизации и государству, чего не наблюдается на американском континенте. Можно предположить, что продолжительное существование ритуала человеческих жертвоприношений обусловлено религиозными верованиями. Кроме того, в отличие от древних цивилизаций Старого Света, где в жертву приносился преимущественно скот, в Новом Свете такие возможности были ограничены в силу меньшего разнообразия видов домашних животных. В андской цивилизации единственным домашним животным крупного размера была лама, которая и являлась главным объектом жертвоприношений, что подтверждается как письменными, так и археологическими источниками. Но можно предположить, что человеческая жертва рассматривалась как более ценная, поэтому в критические моменты, когда андское общество нуждалось в помощи божественных сил наиболее остро, прибегали именно к человеческим жертвоприношениям. Так или иначе, но вопросы, связанные с мировоззрением носителей андских культур, еще нуждаются в изучении.

В заключение еще раз отметим следующее. Во-первых, имеющийся материал позволяет сделать вывод о том, что массовые жертвоприношения практиковались в исключительных случаях. Во-вторых, очевидно, что жертвоприношения детей были широко распространены как в горных, так и в прибрежных культурах. Такая практика должна быть связана с религиозными воззрениями, однако сейчас сложно сказать, какими именно. Это, в свою очередь, свидетельствует о несомненном сходстве религиозных воззрений в рамках всей андской цивилизации, что, конечно, не исключает наличия определенных региональных или временных различий. Несомненно, что в ходе дальнейшего изучения человеческих жертвоприношений в андской цивилизации ученым следует идти не просто по пути количественного увеличения анализируемого материала, но и более детально интерпретировать эти жертвоприношения как составную часть религиозных и социальных практик в контексте отдельных культур и региона в целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Fogelin L. The Archaeology of Religious Ritual. *Annual Review of Anthropology*. Palo Alto, 2007, Vol. 36, pp. 55—71.
2. Besom T. Inka Human Sacrifice and Mountain Worship. Strategies for Empire Unification. Albuquerque University of New Mexico Press, 2013, p. 309.
3. Giersz M., Pardo C. (ed.) Castillo de Huarmey. El mausoleo imperial Wari. Lima: MALI, 2014, 348 p.
4. Tung A.T. Violence, Ritual, and the Wari Empire. Bioarchaeological Interpretations of the Human Past: Local, Regional, and Global Perspectives. Gainesville: University press of Florida, 2012, 244 p.
5. Tiffany A.T. and Kelly J. Knudson. Childhood Lost. Abductions, Sacrifice and Trophy Heads of Children in the Wari Empire of the Ancient Andes. *Latin American Antiquity*. Cambridge, 2010, Vol. 21, No. 1, pp. 44—66.
6. Topic J.R. and Michael Edward Moseley. Chan Chan: a Case Study of Urban Change in Peru. *Ñawpa Pacha: Journal of Andean Archaeology*, 1983, No 21, pp. 153—182.
7. Toyne M. J. The Body Sacrificed: a Bioarchaeological Analysis of Ritual Violence in Ancient Túcume, Peru. *Journal of Religion and Violence*. Charlottesville, 2015, Vol. 3, No. 1, pp. 137—172.
8. Prieto G., Goeppert N., Valladares K., Vilela J. Sacrificios de niños, adolescentes y camélidos jóvenes durante el Intermedio Tardío en la periferia de Chan Chan, valle de Moche, costa norte del Perú. *Arqueología y Sociedad*. Lima, 2014, No. 27, pp. 255—296.
9. Murúa M. de. Historia general del Perú. Madrid, Dastin, 2001, 571 p.
10. Пома де Айяла, Ф.Г. Первая новая хроника и доброе правление. М., Памятники исторической мысли, 2011, 290 с. [Poma de Ayala F.G. Pervaya novaya hronika y dobroe pravleniye [The First New Chronicle and Good Rule]. Moscow, 2011, 290 p. (In Russ.).]
11. Cieza de León P. de. Crónica del Perú. El señorío de los incas. Caracas, Biblioteca Ayacucho, 2005, 497 p.
12. Acosta J. de. Historia natural y moral de las Indias. Madrid, Ramón Anglés, 1894, 392 p.
13. Ondegardo P. de. Informaciones acerca de la religión y gobierno de los incas. Lima, Imprenta y librería Sanmarti y Ca, 1916, 208 p.
14. Alvarado Vadillo D. H. Una comprensión andina del cuerpo. Lima, Multigrafik Ediciones, 2019, 375 p.
15. Новосёлова Е.В. Погребения правителей в государствах доколумбовой Америки. *Латинская Америка*. М., 2016, № 4, сс. 90—100 [Novoselova E.V. Pogrebeniya praviteley v gosudarstvah dokolumbovoy Ameriki [Burials of Rulers in the States of Pre-Columbian America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2016, N 4, pp. 90—100 (In Russ.).]
16. Cobo B. Historia del Nuevo Mundo. T III. Sevilla, Imprenta de E. Rasco, 1892, 350 p.
17. Afik B. Sacrificio humano y reciprocidad una ideología de cohesión imperial incaica // *Revista Andina*. Cusco, 2015, №53, pp. 201—222.
18. Amat Olazábal M.H. Ideología y religión de los incas. Lima, Fondo Editorial Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 2016, 332 p.
19. Редькова И. С. Град небесный и город земной в западноевропейской экзегетике первой половины XII в. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2016, Т. 7, Выпуск 6 (50) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840001568-3-1/> (дата обращения: 07.10.2019). DOI: 10.18254/S0001568-3-1 [Red'kova I.S. Grad nebesny y gorod zemnoy v zapadnoevropeyskoy egzegetike pervoy poloviny XII v [Civitas dei and civitas orbis in the First-half 12th Century European Exegetics]. *The Journal of Education and Science «Istoriya» (History)*. Moscow, 2016, Vol. 7, N 6 (50). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840001568-3-1/> (accessed 07.10.2019). DOI: 10.18254/S0001568-3-1 (In Russ.).]
20. Moctezuma E.M. Muerte a filo de obsidiana. Los naguas frente a la muerte. México, Fondo de cultura económica, 2018, 158 p.
21. Chives Balderas X. La muerte en los rituales mexicas. Templo Mayor. Revolución y estabilidad. México, Museo del Templo Mayor, 2017, pp. 185—195.
22. Silverman H., Isbell W.H. (ed.) Handbook of South American archaeology. New York, Springer, 2008, 1191 p.

Елена Новосёлова

23. Verano J. W. Paleopathological Analysis of Sacrificial Victims at the Pyramid of the Moon, Moche River Valley, Northern Peru. *Revista de Antropología Chilena*. Santiago, 2000, Vol. 32, No.1, pp. 61—70.
24. Molina C. de. Relación de las fábulas y ritos de los incas. Madrid, Vervuert, Iberoamericana, 2010, 328 p.
25. Santa Cruz Pachacuti Yamqui J. de. Relación de antigüedades deste Reyno del Pirú. Madrid, Frankfurt, Vervuert, Iberoamerica, 2007, 200 p.
26. Prieto G., Verano J.W., Goepfert N., Kennett D., Quiter J., LeBlanc S., Fehren-Schmitz L., Forst J., Lund M., Dement B., Dufour E. Tombret O., Calmon M., Gadison D., Tschinkel K. A Mass Sacrifice of Children and Camelids at the Huanchaquito-Las Llamas Site, Moche Valley, Peru. *PLoS ONE*. San Francisco and Cambridge, 2019, № 14(3), pp. 1—29.

Elena V. Novoselova (Helena-Novoselova@yandex.ru)
Cand. Sci. (History), Senior lecturer in MIREA—Russian Technological University

Vernadskogo avenue, 78, Moscow, Russian Federation

Human sacrifice in the traditions of the Andean civilization

Abstract. the article is devoted to the analysis of human sacrifices in the cultures of the Andean civilization (mainly on the material of Huari, Chimor and the Inca state). The author offers his own version of the typology of sacrifices (regular and extraordinary), analyzes the data of written, archaeological and iconographic sources and comes to the following conclusions. First, the current state of the sources suggests that mass sacrifices took place, but were most likely only on exceptional occasions. Second, recent archaeological findings show that the practice of human sacrifice in different cultures was more uniform than previously thought. This is primarily a practice of child sacrifice, which was previously known mainly on the material of the Inca culture, meanwhile such findings on earlier cultures were isolated. In turn, the latest archaeological evidence shows that this practice was common in coastal cultures. This, in turn, suggests the existence of a closer ideological space that united both coastal and highland cultures of ancient Peru.

Key words: Andean civilization, human sacrifice, religion, Inca, Huari, Chimor.

DOI: 10.31857/S0044748X0008708-7

Received 14.10.2019.